

лись, кто таков этот рыцарь, что так бьется с черным рыцарем – сэром Тристрамом? Но Прекрасная Изольда знала отлично, что это сэр Паломид рубится с сэром Тристрамом, ибо из своей ложи, где она стояла у окна, она видела, как сэр Паломид обменялся доспехами с тем раненым рыцарем. И от обиды на сэра Паломиды она плакала так горько, что едва не лишилась чувств.

Но тут выехал на поле сэр Ланселот с рыцарями Оркнея, и когда на противной стороне их увидели, то раздался крик:

– Назад! Бегите! Это – сэр Ланселот!

И подъехал один рыцарь к сэру Ланселоту и сказал:

– Сэр, вам непременно должно сразиться вон с тем рыцарем в черных доспехах (а это был сэр Тристрам), ибо он того и гляди одолеет славного рыцаря, что бьется против него с серебряным щитом (а это был сэр Паломид).

Тогда сэр Ланселот направил на них коня, остановился между ними и так сказал сэру Паломиду:

– Сэр рыцарь, предоставьте теперь мне вести этот поединок, ибо вы нуждаетесь в передышке.

Сэр Паломид сразу же признал сэра Ланселота, и сэр Тристрам тоже, но, зная, что сэр Ланселот много превосходит его силой и доблестью, сэр Паломид рад был уступить ему бой с сэром Тристрамом. Ибо он сразу понял, что сэр Ланселот не узнал сэра Тристрама, и потому надеялся, что сэр Ланселот побьет или опозорит сэра Тристрама, о чем сэр Паломид только и мечтал.

И вот обрушил сэр Ланселот на сэра Тристрама множество жестоких ударов. Ибо сэр Ланселот не узнал сэра Тристрама, хотя сэр Тристрам и узнал сэра Ланселота. И так они рубились долго, и, глядя на них, Прекрасная Изольда от горя едва не лишилась рассудка.

Но сэр Динадан открыл сэру Гарету, что рыцарь в черных доспехах – это их господин сэр Тристрам.

– А тот другой, что с ним сейчас бьется, – это сэр Ланселот, и он непременно его одолеет, – ибо сэр Тристрам уже сегодня много потрудился.

– Тогда давайте поскачем и сбросим его с коня, – сказал сэр Гарет.

– Это будет лучше всего, – отвечал сэр Динадан. – Нам нельзя допустить, чтобы сэр Тристрам подвергся позору, ибо вон там выжидает случая неизвестный рыцарь с серебряным щитом, чтобы при первой возможности напасть на сэра Тристрама.

И с тем, без дальних слов, сэр Гарет налетел на сэра Ланселота и с такою силой ударил его по шлему, что вовсе его оглушил. А за ним ударил и сэр Динадан своим копьем, и удар его был столь силен, что и конь и всадник рухнули наземь и жестоко расшиблись.

– Стыд вам и позор! – сказал сэр Тристрам сэру Гарету и сэру Динадану, – отчего вы так обошлись с этим славным рыцарем, да еще в то время, когда я вел с ним поединок? А, Иисусе! Вы жестоко опозорили самих себя, а ему не причинили бесчестья, а ведь мы жарко бились и без вашей помощи.

А тем временем подскакал туда сэр Паломид в чужом обличье и выбил из седла сэра Динадана. И тогда сэр Ланселот, которого сэр Динадан только что поверг наземь, набросился яростно на него пешего. Сэр Динадан защищался мужественно, но сэр Тристрам отлично понимал, что против сэра Ланселота ему не устоять, и сэра Тристрама это очень печалило.

А сэр Паломид со свежими силами устремился на сэра Тристрама. Видит сэр Тристрам, как яростно нападает на него сэр Паломид, и решил он разделаться с сэром Паломидом с одного раза, ибо он торопился помочь сэру Динадану, которому приходилось совсем туго под натиском сэра Ланселота. И потому устремился сэр Тристрам навстречу сэру Паломиду, ударил его по шлему изо всей силы, а потом ухватил его в охапку и, вырвав из седла, сбросил под ноги коню.

Сам же он, оставив так сэра Паломиды, подбежал и встал между сэром Динаданом и сэром Ланселотом, и начался у них новый бой. А сэр Динадан привел ему коня и крикнул ему громко, так что сэр Ланселот услышал:

– Господин мой сэр Тристрам, вот ваш конь! Услыхал сэр Ланселот, как он назвал его сэром Тристрамом, и воскликнул:

– Иисусе! Что я наделал! Теперь я опозорен. – И сказал он: – Ах, господин мой сэр Тристрам, отчего вы приняли незнакомое обличье? Ведь вы подвергли себя великой опасности. Но я прошу вас простить меня, ибо, если бы я знал, что это вы, не было бы между нами этого боя.

– Сэр, – отвечал сэр Тристрам, – вы уже не в первый раз выказываете мне доброту и велико-